

The poster has a textured, aged, yellowish-brown background. A large, dark, semi-transparent image of a man in a fedora and suit is centered. To his left, a child in a blue hoodie and red plaid shorts is walking up a stone staircase. In the background, a white church with a steeple and a red-roofed house are visible. The entire image is overlaid with blue and black ink splatters and paint strokes.

СТИВЕН
КИНГ

&
РИЧАРД
ЧИЗМАР

ГВЕНДИ
— И ЕЕ —
ШКАТУЛКА

Вселенная Стивена Кинга

Стивен Кинг

Гвенди и ее шкатулка

«АСТ»

2017

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

Кинг С.

Гвенди и ее шкатулка / С. Кинг — «АСТ»,
2017 — (Вселенная Стивена Кинга)

ISBN 978-5-17-106608-6

Из Касл-Рока до Касл-Вью можно добраться тремя путями: по шоссе номер 117, по Плезант-роуд или по Лестнице самоубийц. Каждый день на протяжении всего лета 1974 года двенадцатилетняя Гвенди Питерсон поднималась по лестнице, державшейся на крепких железных болтах и проходившей зигзагом по отвесному склону. И однажды, когда Гвенди поднялась на вершину, переводя дыхание и слыша крики детей на площадке, к ней обратился незнакомец. На скамейке в тени сидел человек в черных джинсах, черном пиджаке и белой рубашке, расстегнутой у ворота. На голове у него была аккуратная маленькая черная шляпа. Придет время, и эта шляпа станет преследовать Гвенди в кошмарах... В маленьком городке Касл-Рок, штат Мэн, происходило много необычного, но об одной истории вы все же еще не слышали. И теперь пришло ее время...

УДК 821.111-313.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-106608-6

© Кинг С., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

1	6
2	13
3	16
4	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Стивен Кинг, Ричард Чизмар

Гвенди и ее шкатулка

Серия «Вселенная Стивена Кинга»

Stephen King and Richard Chizmar

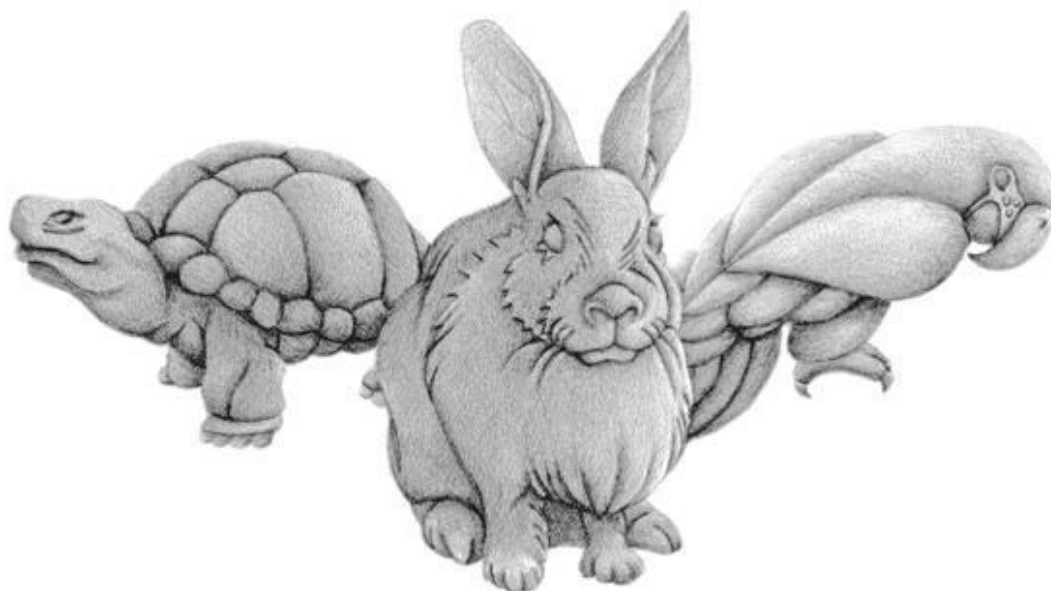
GWENDY'S BUTTON BOX

Перевод с английского *Т. Покидаевой*

Компьютерный дизайн *А. Кудрявцева, студия «FOLD&SPINE»*

Печатается с разрешения литературных агентств

The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

© Stephen King and Richard Chizmar, 2017 © Interior Artwork by Keith Minnion, 2017

© Перевод. Т. Покидаева, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

1

Из Касл-Рока до Касл-Вью можно добраться тремя путями: по шоссе номер 117, по Плезант-роуд или по Лестнице самоубийц. Каждый день на протяжении всего лета – да, даже по воскресеньям – двенадцатилетняя Гвенди Питерсон поднимается по лестнице, держащейся на крепких (пусть и ржавых от времени) железных болтах и проходящей зигзагом по отвесному склону. Первую сотню ступенек Гвенди проходит шагом, вторую сотню пробегает трусцой, а последние сто пять ступеней заставляет себя нестись со всех ног – в безудержной предвыборной гонке, как сказал бы ее папа. На вершине она стоит, согнувшись пополам, и сжимает руками колени. Щеки горят, мокрые от пота волосы липнут к лицу (они всегда выбиваются из-под резинки на этом финишном спринте, как бы туго она ни собирала их в хвост). Дышит она тяжело, словно старая ломовая лошадь. Но все-таки улучшения есть. Когда она выпрямляется и смотрит себе под ноги, склонив голову, ей видны носки кроссовок. Которые не были видны в июне, в последний день школьных занятий, в ее последний день в начальной школе Касл-Рока.

Футболка пропиталась потом и липнет к телу, но в целом Гвенди чувствует себя очень даже неплохо. В июне она всерьез опасалась, что умрет от инфаркта, каждый раз, когда поднималась к вершине. С детской площадки неподалеку доносятся крики детишек. Чуть дальше, с бейсбольного поля, – звон алюминиевой биты, бьющей по мячу. Старшеклассники тренируются к благотворительному матчу на День труда.

Она протирает очки носовым платком, который держит в кармане шорт специально для этих целей, и вдруг слышит, как к ней обращаются:

– Эй, девочка. Иди сюда. Есть разговор.

Гвенди надевает очки, и расплывчатый мир вновь обретает четкость. На скамейке в теничке рядом с гравийной дорожкой, ведущей от лестницы в парк Касл-Вью, сидит человек в черных джинсах, черном пиджаке и белой рубашке, расстегнутой у ворота. На голове у него – аккуратная маленькая черная шляпа. Придет время, и эта шляпа будет преследовать Гвенди в кошмарах.

На этой неделе он сидит здесь каждый день, на одной и той же скамейке, читает одну и ту же книгу («Радуга тяготения», толстенный том, с виду – явно не легкое чтение), но до сегодняшнего дня он ни разу к ней не обращался. Гвенди смотрит на него с опаской.

– Нельзя разговаривать с незнакомцами.

– Дельный совет. – По виду он папин ровесник, ему лет тридцать восемь, может, чуть больше. Вполне приятной наружности. Но черный пиджак жарким августовским утром наводит на мысли, что его обладатель – человек со странностями. Потенциальный псих. – Мама тебе запрещает?

– Папа, – отвечает Гвенди. Ей придется пройти мимо него, чтобы добраться до детской площадки, и если это и вправду псих, может быть, он попытается ее схватить, но она не особенно переживает на этот счет. Сейчас светло, детская площадка совсем рядом, там много народу, и сама Гвенди уже отдышалась.

– В таком случае, – говорит человек в черном пиджаке, – позволь мне представиться. Я Ричард Фаррис. А ты?..

Она колеблется, потом спрашивает себя: а что такого?

– Гвенди Питерсон.

– Ну вот. Теперь мы знакомы.

Гвенди качает головой.

– Знать имя – не значит знать человека.

Он смеется, запрокинув голову. Его смех такой искренний и обаятельный, что Гвенди невольно улыбается. Но все равно держится в отдалении.

Он целится в нее из пальца: пиф-паф.

– Хорошо сказано. *Ты* хорошая девочка, Гвенди. И кстати, раз уж зашел разговор: что за странное имя?

– Сочетание двух имен. Папа хотел назвать меня Гвендолин – так звали его бабушку, – а мама хотела Венди, как в «Питере Пэне». Вот они и решили объединить оба имени. Вы здесь на отдыхе, мистер Фаррис?

Вполне вероятно; это же Мэн, а штат Мэн провозглашает себя раем для отдыхающих. Страна каникул. Так написано даже на автомобильных номерных знаках.

– Можно и так сказать. Я, видишь ли, путешествую. На прошлой неделе – Мичиган, на следующей – Флорида, потом, может быть, Кони-Айленд – съесть хот-дог и прокатиться на «Циклоне». Меня, наверное, можно назвать скитальцем, и мой путь – вся Америка. Я наблюдаю за некоторыми людьми и время от времени проверяю, как у них обстоят дела.

На бейсбольном поле за детской площадкой бита со звоном отбивает мяч, раздаются одобрительные крики.

– Что ж, было приятно с вами поговорить, мистер Фаррис, но мне надо идти...

– Подожди, задержись на минутку. Видишь ли, ты как раз из тех самых людей, за кем я наблюдаю в последнее время.

Это должно бы прозвучать зловеще (и так оно и звучит), но он по-прежнему улыбается и весело смотрит на меня, и если он и вправду маньяк-педофил, то хорошо это скрывает. Хотя настоящий маньяк, размышляет Гвенди, никогда не покажет свою натуру. Приходи ко мне в гости, говорил мухе паук.

– У меня есть теория насчет тебя, мисс Гвенди Питерсон. Как и положено всякой хорошей теории, она основана на тщательных наблюдениях. Хочешь послушать?

– Да, наверное.

– Я заметил, ты чуть полновата.

Наверное, он видит, как она напряглась, потому что поднимает руку и качает головой, мол, *подожди*.

– Возможно, ты сама считаешь себя жирной, потому что девчонки и женщины в нашей стране имеют странные представления о собственной внешности. СМИ... ты знаешь, что такое СМИ?

– Конечно, знаю. Газеты. Телевидение. «Тайм» и «Ньюсуик».

– Все верно. Так вот. СМИ кричат: «Девочки, женщины, вы можете стать кем угодно в этом дивном новом мире, при условии, что видите носки своих туфель, когда стоите прямо».

Он *и вправду* за мной наблюдал, думает Гвенди, потому что я каждый день проверяю, видны – не видны, когда поднимаюсь вверх. Она краснеет. Это никак от нее не зависит, но смущенный румянец – явление внешнее. Внутри у Гвенди нарастает вызов: *и что с того?* Именно это заставляет ее каждый день бегать по лестнице. Этот протест и еще Фрэнки Стоун.

– Моя теория состоит в том, что кто-то насмешливо отозвался о твоём лишнем весе, или о внешности, или о том и другом сразу, и ты решила взять ситуацию под контроль. Я угадал? Может, не в самое яблочко, но в мишень-то уж точно попал?

Возможно, потому, что он совершенно чужой человек, она может запросто рассказать ему то, о чем не рассказывала ни маме, ни папе. Или, возможно, все дело в его голубых глазах, в которых – искренний интерес и любопытство, но вовсе нет злобы. Во всяком случае, Гвенди ее не видит.

– Фрэнки Стоун, мой одноклассник, называет меня Гудиер. Знаете, как...

– Как дирижабль. Да, я знаю рекламные дирижабли «Гудиер».

– Ага. Фрэнки противный и гадкий.

Она думает, не рассказать ли ему, этому человеку, как Фрэнки расхаживал по детской площадке и орал: *А я Фрэнки Стоунер! У меня огромный хер! Фу ты, ну ты, не меньше двух футов!* – но решает, что лучше не надо.

– Другие мальчишки тоже начали обзывать, а потом подхватили и некоторые девчонки. Не те, с которыми я дружу, а другие девчонки. Это было в шестом классе. А в сентябре начинается средняя школа, и я... в общем...

– Ты решила, что это обидное прозвище не увяжется за тобой, – говорит мистер Ричард Фаррис. – Понятно. Кстати, ты еще вытянешься, подрастешь. – Он обводит ее взглядом с головы до ног, но в этом взгляде нет ничего гнусного. Скорее это пристальный взгляд ученого. – Я бы сказал, ты остановишься на пяти футах и десяти дюймах. Может, даже одиннадцати. Будешь высокой для девчонки.

– Я уже чуточку подросла, – говорит Гвенди, – но я не собираюсь ждать.

– Я так и думал, – отвечает Фаррис. – Не жди, не скули и не ной, а разбирайся с проблемой. Атакуй ее в лоб. Восхитительно. Поэтому мне и хотелось с тобой познакомиться.

– Было приятно с вами поговорить, мистер Фаррис, но мне действительно надо идти.

– Нет. Тебе надо остаться здесь. – Он больше не улыбается. Выражение его лица стало строгим, голубые глаза как будто сделались серыми. Тень от шляпы лежит тонкой линией у него на лбу, словно татуировка. – У меня для тебя кое-что есть. Подарок. Потому что ты именно та, для кого он предназначен.

– Я не принимаю подарки от незнакомцев, – говорит Гвенди. Вот теперь ей становится чуточку страшно. А может быть, и не чуточку.

– Знать имя – не значит знать человека, тут я согласен, но мы с тобой не совсем незнакомцы. Я тебя знаю – и знаю, что вещь, которую я собираюсь тебе отдать, была сделана для кого-то такого, как ты. Еще очень юного, но твердо стоящего на ногах. Я знал тебя, Гвенди, еще до того, как увидел. И вот мы встретились. – Он сдвигается на край скамейки и похлопывает рукой по сиденью. – Присядь рядом со мной.

Медленно, словно во сне, Гвенди подходит к скамейке.

– Вы... Мистер Фаррис, вы хотите меня обидеть?

Он улыбается.

– Схватить тебя? Затащить в кусты и надругаться? – Он указывает на тропинку, ведущую к детской площадке, где две или три дюжины детишек в футболках Детского дневного лагеря Касл-Рока качаются на качелях, съезжают с горок и карабкаются по лесенкам под присмотром четырех вожатых. – Вряд ли получится при таком-то скоплении народа. К тому же я не испытываю сексуального интереса к малолетним девочкам. Как правило, девчонки не интересуют меня в принципе, но, как я уже говорил – или подразумевал, – ты не такая, как все. А теперь сядь.

Она садится. Пот, покрывающий ее тело, вдруг становится ледяным. Почему-то ей кажется, что, вопреки всем его уверениям, он попытается ее поцеловать, невзирая на ребяташек на детской площадке и их вожатых. Но опасения Гвенди напрасны. Мистер Фаррис ее не целует. Он вынимает из-под скамейки холщовый мешок с завязкой. Открывает его и достает красивую лакированную шкатулку из красного дерева, густо-коричневого и как будто мерцающего алыми искрами под слоем лака. Шкатулка примерно пятнадцати дюймов в длину, около фута в ширину, а в высоту вдвое меньше. Гвенди сразу же хочется заполучить эту шкатулку. И вовсе не потому, что она очень красивая. А потому, что это *ее* шкатулка. Как что-то по-настоящему ценное и любимое, что-то утерянное так давно, что почти забылось, а теперь вдруг нашлось. Что-то, чем Гвенди владела в другой жизни, в которой была принцессой или кем-то еще.

– Что это? – спрашивает она вполголоса.

– Пульт управления, – говорит Фаррис. – Твой пульт управления. Смотри.

Он наклоняет шкатулку, чтобы Гвенди увидела кнопки на крышке, шесть в три ряда по две и еще по одной с двух сторон от рядов. Всего восемь. Пары такие: светло-зеленая и темно-зеленая, желтая и оранжевая, синяя и фиолетовая. Одна одиночная кнопка – красная. Другая – черная. Есть еще два рычажка по краям и что-то похожее на прорезь посередине.

– Кнопки нажимаются очень туго, – предупреждает Фаррис. – Придется жать большим пальцем и прилагать силу. Но это и к лучшему, уж поверь мне на слово. С ними не следует ошибаться, о нет. Особенно – с черной.

Гвенди забыла о том, что боится этого человека. Она зачарована деревянной шкатулкой, и когда мистер Фаррис передает ее Гвенди, она берет шкатулку. Она думала, шкатулка будет тяжелой – все-таки красное дерево тяжелое само по себе, и кто знает, что там внутри, – но нет. Гвенди почти не чувствует тяжести. Она проводит пальцем по гладкой, слегка выпуклой поверхности кнопок, и ей кажется, будто она чувствует их цвета, которые словно подсвечивают ее кожу.

– А зачем эти кнопки?

– Мы вернемся к ним позже. Для начала обрати внимание на рычажки. Они переключаются легче, чем кнопки. Сдвигаются даже мизинцем. Потянешь за левый рычаг – рядом с красной кнопкой – и получишь маленькую шоколадку в форме животного.

– Я не... – начинает Гвенди.

– Да, я знаю. Ты не принимаешь конфеты от незнакомцев, – говорит Фаррис и так забавно закатывает глаза, что Гвенди невольно хихикает. – Кажется, этот вопрос мы уже обсудили, Гвенди?

– Нет, я хотела сказать, что *не ем шоколад*. Этим летом. Я хочу сбросить вес и вообще не ем сладкого. И не хочу начинать, потому что потом не смогу остановиться. Тем более шоколад! Я же шокоголик.

– Да, но в том-то и прелесть шоколадок, которые выдает пульт управления, – говорит Ричард Фаррис. – Они маленькие, не крупнее мармеладных драже, и очень сладкие... Но съешь одну шоколадку – и больше тебе не захочется. У тебя будет хороший аппетит, ты будешь нормально обедать и ужинать, но тебе не захочется взять добавку. И не захочется никаких перекусов, особенно – сладкого на ночь, главного врага стройной фигуры.

Гвенди, до этого лета имевшая привычку каждый вечер примерно за час до сна съедать большой сэндвич с зефирным кремом и арахисовой пастой, знает, о чем идет речь. К тому же после этих утренних пробежек на нее всегда нападает зверский аппетит.

– Что-то вроде тех странных продуктов для похудения? – спрашивает она. – Которые быстро тебя насыщают, но ты потом каждые полчаса бегаешь писать. Моя бабушка что-то такое ела, а через неделю совсем разболелась.

– Нет. Это обычный шоколад. Но *чистый*. Не как в шоколадных батончиках из магазина. Попробуй.

Гвенди мнется, но очень недолго. Она подцепляет мизинцем рычажок – для других пальцев он маловат – и сдвигает на себя. Из прорези в центре выезжает узенькая деревянная дощечка. На дощечке сидит шоколадный кролик размером, как и сказал мистер Фаррис, не больше мармеладного драже.

Гвенди берет его двумя пальцами и восхищенно рассматривает со всех сторон.

– Ух ты! Смотрите, какая *шерстка*. И *ушки*! И *глазки*!

– Да, – согласно кивает Фаррис. – Симпатичный зверек. А теперь съешь его! Быстро!

Без всяких раздумий Гвенди выполняет команду, и рот наполняется сладостью. Мистер Фаррис был прав: это гораздо вкуснее шоколадных батончиков из магазина. Это гораздо вкуснее *всего*, что она ела раньше. Восхитительный вкус, он не только во рту – он как будто

во всей голове. Шоколад тает на языке, дощечка возвращается в шкатулку, прорезь закрывается.

– Понравилось? – спрашивает мистер Фаррис.

– М-м-м. – Вот и все, что она может сказать. Будь это обычная конфета, Гвенди сейчас повела бы себя словно крыса в научном эксперименте: она давила бы на рычажок, пока тот не сломается или пока не закончатся шоколадки. Но ей совершенно не хочется добавки. И еще ей кажется, что сегодня она не зайдет в кафешку у детской площадки, чтобы взять коктейль из фруктового льда. Ей совершенно не хочется есть. Она...

– Ты довольна? – спрашивает Фаррис.

– Да!

Вот верное слово. Гвенди очень довольна. Такого огромного удовольствия она еще не получала, даже когда ей подарили на девять лет двухколесный велосипед.

– Хорошо. Возможно, завтра тебе захочется еще одну шоколадку, и ты *получишь* ее, если пожелаешь, потому что пульт останется у тебя. Это твой пульт управления, по крайней мере пока.

– А сколько там шоколадок?

Вместо того чтобы ответить на ее вопрос, он предлагает ей потянуть второй рычажок.

– Он тоже выдает конфеты?

– Потяни и узнаешь.

Она сдвигает рычажок мизинцем. На этот раз на дощечке, выехавшей из прорези, лежит большая серебряная монета, такая яркая в лучах утреннего солнца, что Гвенди щурится. Гвенди берет ее в руки, и дощечка уезжает обратно в шкатулку. Монета тяжелая. На ней – женский профиль то ли в короне, то ли в диадеме. Внизу – полукруг из звезд, размкнутый датой: 1891. Наверху надпись: *E Pluribus Unum*.

– Это Моргановский серебряный доллар, – объясняет Фаррис профессорским тоном. – Почти пол-унции чистого серебра. Создан Джорджем Морганом, которому в ту пору было всего тридцать лет. Моделью для головы Свободы послужила Анна Уиллесс Уильямс, филадельфийская матрона. Ее портрет в профиль изображен на аверсе монеты, то есть на лицевой стороне. На оборотной стороне изображен белоголовый орлан.

– Красивый, – выдыхает Гвенди. Потом – с большой неохотой – протягивает монету Фаррису.

Он скрещивает руки на груди и качает головой.

– Это не мое, Гвенди. Это твое. Все, что выдает пульт, – твое. Шоколадки, монеты. Потому что *пульт* – твой. Кстати, нынешняя нумизматическая ценность одного Моргановского доллара составляет около шестисот долларов.

– Я... я не могу его взять, – говорит Гвенди. Ее голос звучит как-то странно. Словно издалека. Ей кажется (как казалось в начале лета, когда она только начала бегать вверх по Лестнице самоубийц), что она сейчас грохнется в обморок. – Я не сделала ничего, чтобы его заслужить.

– Еще сделаешь, не беспокойся. – Он достает из кармана черного пиджака старинные карманные часы. Гвенди в глаза снова бьют отблески солнца, только теперь не серебряные, а золотые. Откинув крышку, Фаррис смотрит на циферблат. Потом убирает часы в карман. – У меня мало времени, поэтому смотри на кнопки и слушай внимательно. Договорились?

– Д-да.

– Но сначала убери доллар в карман. Он тебя отвлекает.

Она послушно кладет доллар в карман и ощущает на бедре тяжелый кружок.

– Сколько у нас частей света, Гвенди? Ты знаешь?

– Семь, – отвечает она. Это они проходили в третьем или четвертом классе.

– Все верно. Но поскольку Антарктида фактически безлюдна, здесь она не представлена... кроме, конечно же, черной кнопки, но до нее мы еще дойдем. – Он легонько касается каждой из расположенных парами кнопок. – Светло-зеленая кнопка: Азия. Темно-зеленая: Африка. Оранжевая: Европа. Желтая: Австралия. Синяя: Северная Америка. Фиолетовая: Южная Америка. Ты меня слушаешь? Запоминаешь?

– Да, – отвечает она без запинки. У нее всегда была хорошая память, а сейчас она почему-то уверена, что съеденная шоколадная конфета помогает ей сосредоточиться еще больше. Мысль сумасшедшая. Гвенди не знает, что это значит, но ни капельки не сомневается, что сумеет запомнить, какой цвет означает какую часть света. – А что означает красная кнопка?

– Все что захочешь, – говорит Фаррис. – И тебе *обязательно* что-то захочется, обладателю пульта всегда чего-то хочется. Это нормально. Желание знать и действовать заложено в человеческой природе. Любопытство и страсть к исследованиям, Гвенди! Одновременно и болезнь, и лекарство!

Я уже не в Касл-Роке, думает Гвенди. Я оказалась в какой-то волшебной стране из книжки. В Стране Оз, или Нарнии, или Хоббитании. Наяву так не бывает.

– Просто запомни, – продолжает он, – красная кнопка – единственная из всех кнопок, которую можно использовать неоднократно.

– А черная кнопка?

– Все что есть, – говорит Фаррис и резко встает. – Полный комплект. Большая шишка, как сказал бы твой папа.

Она изумленно смотрит на него. Ее папа *именно так* и говорит.

– Откуда вы знаете, что мой па...

– Прощу прощения, что перебиваю, это очень невежливо, но мне действительно надо идти. Береги пульт. Он дарит подарки, но это маленькая компенсация за большую ответственность. И будь осторожна. Если его обнаружат твои родители, могут возникнуть вопросы.

– Еще бы, – говорит Гвенди и тихонько смеется. У нее перехватывает дыхание. Как будто ей врезали кулаком под дых. – Мистер Фаррис, почему вы дали пульт мне? *Почему именно мне?*

– В нашем мире, – отвечает Фаррис, глядя на нее сверху вниз, – накоплены огромные запасы оружия, способного уничтожить всю жизнь на планете на ближайший миллион лет. Мужчины и женщины, ответственные за них, каждый день задают себе тот же вопрос. Пульт достался тебе, потому что ты – оптимальная кандидатура здесь и сейчас. Береги его, Гвенди. Я бы тебе посоветовал не показывать его *никому*, а не только родителям, ибо люди по природе своей любопытны. Когда они видят рычаг, им сразу хочется его потянуть. Когда они видят кнопку, им сразу хочется ее нажать.

– И что будет, если нажмут? Если я нажму?

Ричард Фаррис лишь улыбается, качает головой и идет к краю утеса, где стоит щит с надписью: «СОБЛЮДАЙТЕ ОСТРОЖНОСТЬ! ДЕТЯМ ДО 10 ЛЕТ БЕЗ СОПРОВОЖДЕНИЯ ВЗРОСЛЫХ **ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН!**» Потом оборачивается к Гвенди:

– Кстати! Почему эту лестницу называют Лестницей самоубийц, Гвенди?

– Потому что в тысяча девятьсот тридцать четвертом году с нее спрыгнул мужчина, – говорит она. Пульт управления лежит у нее на коленях. – И лет пять назад с нее спрыгнула женщина. Папа говорит, в городском совете обсуждался вопрос, чтобы демонтировать лестницу, но в городском совете одни республиканцы, а республиканцы ненавидят перемены. То есть так говорит папа. Кто-то из них сказал, что лестница – туристическая достопримечательность... и это правда, в каком-то смысле... И что одно самоубийство раз в тридцать

пять лет – это не так уж и страшно. Он сказал, если начнется массовое помешательство, они проведут повторное голосование.

Мистер Фаррис улыбается.

– Маленькие городки! Как я их обожаю!

– Я ответила на ваш вопрос, теперь вы ответьте на мой! Что будет, если я нажму какую-то из этих кнопок? Например, кнопку для Африки? – Как только ее большой палец ложится на темно-зеленую кнопку, у нее возникает желание – не то чтобы сильное, но вполне ощутимое – нажать и узнать все самой.

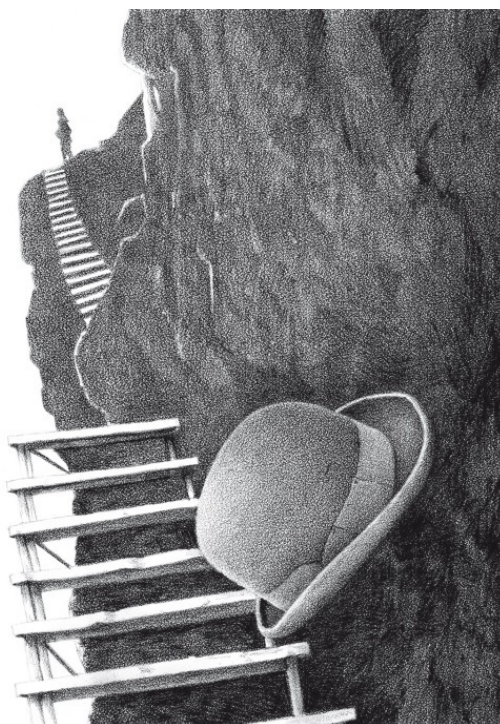
Его улыбка превращается в хищный оскал. Весьма неприятный, по мнению Гвенди Питерсон.

– Надо ли спрашивать о том, что ты и так знаешь?

Прежде чем она успевает сказать еще слово, он начинает спускаться по лестнице. Гвенди пару секунд сидит на скамейке, потом встает, бежит к ржавым перилам на верхней площадке и смотрит вниз. Хотя у мистера Фарриса не было времени, чтобы спуститься до самого низа – совершенно точно не было, – его нигде нет. Почти нет. На середине лестницы, примерно на сто пятидесятой ступеньке, лежит его черная шляпа. То ли оставленная специально, то ли сдутая ветром.

Вернувшись к скамейке, Гвенди убирает пульт управления – *ее* пульт управления – в холщовый мешок на завязке. Потом спускается по лестнице, всю дорогу держась за перила. Поравнявшись с маленькой черной шляпой, раздумывает, не забрать ли ее с собой, затем сшибает шляпу ногой со ступеньки и наблюдает, как та летит вниз и приземляется в сорняки у подножия лестницы. Когда Гвенди возвращается сюда позже тем же днем, шляпы уже нет.

Это 22 августа 1974 года.

2

Мама с папой на работе, поэтому маленький кейп-код¹ на Карбин-стрит в полном распоряжении Гвенди. Она прячет пульт управления под кровать, и он лежит там минут десять, но потом Гвенди понимает, что это не лучшее место для тайника. Она старается поддерживать порядок у себя в комнате, но мама все равно периодически пылесосит и меняет постель каждую субботу (она утверждает, что эту обязанность Гвенди возьмет на себя, когда ей исполнится тринадцать лет – ничего так подарочек на день рождения!). Нельзя, чтобы мама нашла мешок с пультом, потому что все мамы убеждены: у детей не должно быть секретов.

Гвенди подумывает о том, чтобы спрятать пульт на чердаке, но что, если родители все-таки соберутся его разобрать и устроить гаражную распродажу? По той же причине отпадает кладовка над гаражом. У Гвенди появляется мысль (очень взрослая и пока еще непривычная, но позже она превратится в утомительную правду): тайны – это проблема, может быть, самая сложная из всех проблем. Они давят на разум и занимают немалое место в мире.

Потом она вспоминает о дубе на заднем дворе, о дубе с качелями из старой автомобильной крыши, на которых она теперь почти не качается – в двенадцать лет человек уже взрослый для таких малышей развлечений. Под сплетением искривленных корней есть неглубокая ямка. Раньше Гвенди пряталась в ней, свернувшись калачиком, когда играла с подружками в прятки. Теперь она там уже не поместится («Я бы сказал, ты остановишься на пяти футах и десяти дюймах. Может, даже одиннадцати, – сказал ей мистер Фаррис. – Будешь высокой для девчонки»), но пульт вполне поместится, а холщовый мешок защитит его от дождя. А если дождь будет *сильным*, ей придется искать новое место для тайника.

Гвенди прячет пульт под корнями, идет обратно к дому и вдруг вспоминает про серебряный доллар. Она возвращается к дубу и кладет монету в мешок с пультом.

Гвенди думает, что родители, вернувшись домой, заметят, что с ней произошло что-то странное, что она стала другой, но они ничего не замечают. Как обычно, они поглощены собственными делами, их мысли заняты только работой (папа работает в страховой конторе, мама – секретарем в касл-рокском филиале «Форда»), и, конечно, за ужином они выпивают по паре бокалов. Они всегда так делают. Гвенди съедает весь ужин – все, что лежит на тарелке, – но отказывается от куска шоколадного торта, который папа купил в кондитерской рядом с работой.

– Боже, ты что, заболела? – спрашивает папа.

Гвенди улыбается.

– Может быть.

Она уверена, что очень долго не сможет заснуть, будет думать о встрече с мистером Фаррисом и о пульте управления, спрятанном под дубом на заднем дворе, но все получается наоборот. Она думает: *Светло-зеленая кнопка – Азия, темно-зеленая – Африка, желтая – Австралия...* и засыпает на этом месте, и просыпается уже утром, когда надо съесть большую тарелку овсяных хлопьев с фруктами и снова бежать вверх по Лестнице самоубийц.

Вернувшись домой – мышцы звенят, в желудке урчит, – Гвенди достает из-под дуба холщовый мешок, вынимает пульт управления и жмет мизинцем на левый рычажок рядом с красной кнопкой. («Все что захочешь», – сказал мистер Фаррис, когда Гвенди спросила о ней.) Щель открывается, выезжает дощечка. На дощечке – шоколадная черепашка, ее панцирь выложен пластинами с тонким, словно выгравированным узором. Гвенди кладет черепашку в рот, и она взрывается сладостью. Голод мгновенно проходит, хотя когда наступает время обеда, она с аппетитом поглощает сэндвич с копченой колбасой и сыром, который ей

¹ Кейп-код – традиционный тип небольшого дома в Северной Америке. – *Здесь и далее примеч. пер.*

сделала мама перед тем, как уйти на работу; и овощной салат с французской заправкой, и большой стакан молока. Она смотрит на остатки шоколадного торта в пластиковом контейнере. Выглядит очень даже неплохо, но только в качестве интеллектуального удовольствия. Те же чувства она испытывает, глядя на крутые двухстраничные развороты в книжке комиксов о Докторе Стрэндже, но ей совершенно не хочется съесть эту книжку. И совершенно не хочется торта.

После обеда она едет кататься на велосипеде вместе с подружкой Оливией, а потом идет к Оливии в гости, и они слушают музыку и обсуждают предстоящий учебный год. Они переходят в среднюю школу, что немного пугает, но и вызывает радостное предвкушение.

Гвенди приходит домой до возвращения родителей, вынимает из тайника пульт управления и сдвигает второй рычажок, который называет Денежным. Ничего не происходит; прорезь даже не открывается. Ну и ладно, не страшно. Может быть, потому, что Гвенди – единственный ребенок в семье и ей не надо ни с кем соперничать, она вовсе не жадная. Когда закончатся шоколадки, она будет скучать по ним больше, чем по серебряным долларам. Она надеется, что это случится еще не скоро, а когда все же случится, ну что ж... *C'est la vie*, как любит говорить папа. Или *merde se*, что означает «дерьмо случается».

Перед тем как убрать пульт в тайник, она смотрит на кнопки и перечисляет все части света, которые соотносятся с ними. Она трогает кнопки одну за другой. Они ее чем-то притягивают; ей нравится, что каждое прикосновение словно наполняет ее изнутри другим цветом, но она избегает черной кнопки. Эта кнопка ее пугает. Ну, то есть... ее немного пугают все кнопки, но черная напоминает большую темную родинку, уродливую и, возможно, злокачественную.

В субботу Питерсоны садятся в свой универсал «Субару» и едут в Ярмут навестить папину сестру. Обычно Гвенди нравится ездить в гости к тете Дотти и дяде Джиму, потому что их дочери-близняшки – ее ровесницы, и они всегда здорово веселятся втроем. Субботними вечерами они ходят в кино (в эту субботу – на сдвоенный сеанс в автомобильном кинотеатре «Прайдс корнер»: «Громила и Скороход» и «Угнать за 60 секунд»), и если фильм становится скучным, лежат на траве в спальнях мешках и болтают.

В этот раз Гвенди тоже неплохо проводит время, но пульт управления никак не идет у нее из головы. А вдруг его кто-то отыщет и украдет? Она знает, что это вряд ли – грабители полезут в дом и не станут шарить под деревьями на заднем дворе, – но эта мысль не дает ей покоя. Отчасти в ней говорит собственнический инстинкт; это *ее* пульт. Отчасти ей жаль шоколадок. Однако больше всего ее беспокоят кнопки. Вор их увидит, задастся вопросом, для чего эти кнопки, и станет нажимать. Просто из любопытства. И что тогда будет? Особенно если он нажмет черную кнопку? Которую Гвенди уже начала называть Раковой кнопкой.

Когда мама говорит, что хочет выехать в воскресенье пораньше (днем будет собрание Женского благотворительного общества, и в этом году миссис Питерсон выбрали казначеем), Гвенди только рада. Вернувшись домой, она переодевается в старые джинсы и выходит на задний двор. Она немного качается на качелях, потом делает вид, будто что-то обронила, и встает на одно колено – якобы ищет. На самом деле ей надо проверить, на месте ли холщовый мешок. Он на месте... Но этого мало. Гвенди украдкой запускает руку между двумя искривленными корнями и ощупывает пульт. Пальцы останавливаются на кнопке, Гвенди чувствует под холстом ее выпуклую поверхность и быстро – словно обжегшись – отдергивает руку. Но она все равно испытывает облегчение. Пока на нее вдруг не падает чья-то тень.

– Покачать тебя на качелях, солнышко? – спрашивает папа.

– Не надо. – Гвенди встает и отряхивает коленки. – Они мне уже маловаты, на самом деле. Я лучше пойду посмотрю телевизор.

Папа обнимает Гвенди, поправляет очки у нее на носу, потом запускает пальцы ей в волосы и распутывает парочку колтунов.

– Ты так выросла, – говорит он. – Но все равно ты всегда будешь моей маленькой девочкой. Да, Гвенни?

– Да, папа, – говорит Гвенди и бежит в дом. Перед тем как включить телевизор, она выглядывает во двор из окна над кухонной раковиной (ей больше не нужно вставать на цыпочки, чтобы увидеть, что происходит снаружи). Она наблюдает, как папа толкает качели из автомобильной покрышки. Она ждет, не опустится ли он на колени: вдруг ему любопытно, что она там искала. Но папа просто идет в гараж. Гвенди заходит в гостиную, включает телик, где идет «Соул трейн», и танцует под Марвина Гэя.

3

В понедельник, когда Гвенди приходит домой после пробежки по Лестнице самоубийц, рычажок рядом с красной кнопкой выдает крошечного шоколадного котенка. Гвенди сдвигает второй рычажок, на самом деле ничего не ожидая, но из прорези выезжает дощечка, а на дощечке – еще один серебряный доллар 1891 года, без единой царапинки или потертости на обеих сторонах. Уже потом Гвенди узнает, что такие монеты называются не бывшими в обращении. Она дует на доллар, затуманивая черты Анны Уиллесс Уильямс, затем опять натирает ее до блеска краем футболки. Теперь у нее уже два серебряных доллара, и мистер Фаррис сказал правду о том, сколько они сейчас стоят: этих денег почти хватило бы, чтобы оплатить год обучения в Университете Мэна. Хорошо, что до окончания школы еще несколько лет, потому что двенадцатилетний ребенок вряд ли сможет продать такие ценные монеты. Они вызовут слишком много вопросов.

А уж сколько вопросов вызвал бы пульт!

Она снова трогает кнопки, одну за другой, старательно обходя пальцами страшную черную кнопку, но в этот раз медлит на красной. Вновь и вновь скользит по ней пальцем. Ощущения странные: смесь тревоги и чувственного удовольствия. Наконец она убирает пульт обратно в мешок, прячет его в тайник, садится на велосипед и едет к Оливии. Они пекут клубничные конвертики под присмотром мамы Оливии, потом поднимаются в комнату Оливии и снова слушают музыку. Открывается дверь, входит мама Оливии, но вовсе не для того, чтобы – как думали девочки – попросить их уменьшить громкость. Нет, ей тоже хочется потанцевать. Это весело. Они танцуют втроем и смеются как сумасшедшие, и когда Гвенди приходит домой, она с аппетитом съедает весь ужин.

Но без добавки.

4

В средней школе оказывается не так уж плохо. Гвенди снова встречает старых друзей и заводит новых. Она замечает, что некоторые мальчишки поглядывают на нее, но это не страшно, потому что среди них нет Фрэнки Стоуна, и никто не называет ее Гудиером. Благодаря Лестнице самоубийц это обидное прозвище упокоилось с миром. На день рождения в октябре она получает в подарок плакат с Робби Бенсоном, маленький телевизор для своей комнаты (боже, какая радость) и уроки по смене постельного белья (не радостно, но и не страшно). Ее принимают в футбольную команду и в легкоатлетическую команду для девочек, где она быстро становится одной из лучших.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.